

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ПРОЗЫ О ВОЙНЕ (на материале повести Е. Миннигараевой «Где ты, сынок?»)*

Н. В. КОНДРАТЬЕВА,

*доктор филологических наук, директор Института удмуртской
филологии, финно-угроведения и журналистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск, РФ)*

Роль литературы и искусства в обществе состоит не только в историческом осмыслении пройденного цивилизацией пути, но и в извлечении уроков для будущего. В связи с этим проблема «человек и война» была и остается одной из главных тем художественного творчества.

Начало XXI в. в отечественной литературе характеризуется обращением наряду с другими темами к теме войны и военных конфликтов конца XX в. (а Афганистане, Приднестровье, Абхазии, Чечне). Казалось бы, это сугубо «мужская» тема, однако ее развивали и авторы-женщины. Так, произведение удмуртской писательницы Елены Миннигараевой (Панфиловой) «Кытын тон, пие?» («Где ты, сынок?») позволяет говорить о том, что военная тематика в современной литературе прежде всего имеет целью предотвратить любые военные действия (и в зоне открытых конфликтов, и в мирной жизни), показав их разрушительную силу. Главная героиня повести – Валентина Петровна Князева – мать, которая в поисках младшего сына исходила все горячие точки Северного Кавказа, а возвратившись на родину, столкнулась с проблемой адаптации бывших солдат к мирной жизни.

Елена Васильевна Миннигараева (Панфилова), журналист, прозаик и поэтесса, родилась в 1976 г. в Удмуртии, в с. Малая Пурга. Ее детство прошло в маленьком рабочем поселке Сосновка Малопургинского района. С малых лет Панфилова сочиняла стихи, сказки, рассказы. Закончив Ильинскую среднюю школу, в 1991 г. она поступила в Можгинское педагогическое училище, в 1995 г. – на факультет удмуртской филологии Удмуртского государственного университета. Будучи студенткой, Панфилова увлеклась историей, культурой, политикой, активно участвовала в научно-исследовательской жизни университета, но не оставила творческую деятельность. После завершения учебы в вузе и по настоящий день работает в редакции газеты «Удмурт дунне». Сегодня она является автором трех сборников художественных произведений. Первая ее книга «Мумы» («Женское начало») вышла в 2008 г. Это глубоко философская повесть, посвященная размышлениям о судьбе женщины. Арво Валтоном, руководителем Международной ассоциации финно-угорских писателей, повесть переведена на эстонский язык и вошла в антологию удмуртской литературы (прозы) 1890–2010 гг. (Таллинн, 2012). В 2010 г. был опубликован поэтический сборник «Мон – ульсько!» («Я – живу!»), лирического героя которого волнуют общечеловеческие проблемы

© Кондратьева Н. В., 2016

* Работа проведена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-14-18005.

мы: жизни и смерти, любви и ненависти, отношений. В 2016 г. был издан сборник “Сьод сюлык” («Платок-покрывало»), куда вошли рассказы, фэнтези, детектив и повесть “Кытын тон, пие?” («Где ты, сынок?»).

Е. Миннигараева (Панфилова) – лауреат премии Общества М. А. Кастрена (Финляндия) в области журналистики (2002, 2009 гг.), победитель и лауреат ряда республиканских и всероссийских конкурсов в области литературы и журналистики, в том числе лауреат конкурса журналистских работ журнала «ЭТНОсфера» (Москва, 2011 г.).

Журналистская деятельность подготовила почву для написания повести «Где ты, сынок?». Миннигараева рассказывала в личной беседе: «На одном из мероприятий национальной организации “Удмурт Кенеш” я решила сделать небольшое интервью с активистом общества удмуртской культуры г. Чайковский. Обычная сельская женщина, живущая в пригороде, сама, своими силами создала отделение общества удмуртской культуры, активно работает над сохранением и развитием удмуртского языка, культуры в городе. Но неожиданно во время интервью она прослезилась, вспомнив то, через какие трудности ей пришлось пройти. До сих пор ей не давали покоя воспоминания о чеченской войне, о матерях, искавших и не нашедших своих сыновей, о погибших молодых парнях. Ей очень хотелось, чтобы кто-нибудь написал об ужасах чеченской войны... Не скрою, после встречи я подумала: стоит ли вновь погружаться в эту тему, так как я уже писала статью о другой женщине, которая также искала своего сына и нашла его. Но каждый вечер я чувствовала печальные глаза Валентины Князевой. И я поняла, что отказать не смогу – нужно написать. Каждый вечер я начала перебирать в памяти своих одноклассников, знакомых, которые прошли через чеченскую войну. Вспомнила их непростые судьбы и судьбы матерей. Более того, у меня у самой рос маленький сын – будущий защитник отечества. А как бы я,

мать, прореагировала, если его, не дай бог, забрали на какие-нибудь военные действия... И я начала работу над очерком. Да, первоначально планировала написать очерк. Но вскоре поняла: я хочу рассказать больше, я хочу понять и показать то, чему в то время не могла найти объяснение и сама. Так родилась повесть “Кытын тон, пие?”».

Описания ужасов войны, которыми изобилует первая часть повести, рождают новые потенциалы художественного изображения, позволяя продвинуться от эпического к экзистенциальному: какова цена человеческой жизни?

Как следует из названия произведения, магистральным образом повествования является образ матери. Мать научила сыновей любить родину и бороться за правду: “Кулыны кылдэм ке – куло. Нош Инмар улэп кылыны сэтэм ке – берто. Возьма монэ, анай, – кыльёссэ бырйыса, жот-жот вера пиез, – Кышкась но пегась луэме уг поты. Озы улыны мон уг быгаты. Тон ачид дышетид ук зэмлыко луыны, аслад лул куараед верамья улыны!” [1, 37] («Если придется погибнуть – сложу голову. А если воля Господня вернуться – я вернусь. Жди меня, мама, – подбирая слова, уверенно произнес ее сын. – Я не хочу быть трусом и дезертиром. С таким грузом я не смогу жить. Ты же сама научила меня быть честным, жить по зову сердца»).

Главная героиня повести – Валентина Петровна Князева – воспитала двоих родных сыновей и двоих приемных детей. Ее старшему сыну, Михаилу, пришлось участвовать в боевых действиях в Таджикистане, на долю младшего, Алика, выпали тяжелые испытания в Чечне. Не случайно главное пожелание матери – это пожелание мирной жизни на Земле: “Мишаелы ке но, Инмаре, шимес адзонъёс эн сёты ни. Мынэсьтым курадзонме но мукет анайёс медаз адзе” [1, 59] («Господи, пусть хотя бы Мише не доведется испытать ужасы войны. Пусть другим матерям

не доведется пройти через те страдания, через которые пришлось пройти мне»).

Создавая собирательный образ матери, автор противопоставляет образы матери, которая готова на все ради спасения собственного ребенка: “Войналэн тусыз кышномуртлы уг тупа, шу. Но дуно нылпиосыз понна мае гинэ уз чида анай!” [1, 38] («Говорят, у войны не женское лицо. Но ради своих детей какие только страдания не вынесет мать»), и матери, которая оставляет детей сиротами: “Дунне вылын нуны вордэм кышномурт – анай өвөл на. Пиналэз будэтэм, утялтэм нылкышно – анай” [1, 39] («Мать – это не та женщина, которая родила ребенка. Мать – это та женщина, которая ребенка вырастила и поставила на путь праведный»).

Повесть основывается на реальных событиях. Об этом говорит и стремительная смена хронотопа произведения в первой половине повествования: города Чайковский, Пермь, Минеральные Воды, Грозный, Червлёное, Моздок, Ростов-на-Дону, Волгоград. Действие разворачивается в самом начале 1995 г. и заканчивается в начале 2000-х гг. Официальной датой начала Первой чеченской войны принято считать 11 декабря 1994 г., когда начался ввод Объединенной группировки войск (ОГВ) в Чечню.

В ходе повествования также приводятся реальные исторические события, в частности, как отмечают историки, 11 февраля 1995 г. 8-й корпус генерала Рохлина был выведен из боев и начал передислоцироваться в Волгоград: “Валяпайлэсь пизэ Грозныйысь но өз шедьтэ. Ивортзы: Лев Рохлин генераллэн кивалтэмез улсын Чечняе ожмаськыны нырысь ик басьтэмьёсты ожмаськынысь потгозы” [1, 48] («Сына Валентины в Грозном не нашли. Сообщили: солдаты, которые под командованием генерала Льва Рохлина первыми были призваны на боевые действия в Чечне, будут выведены из зоны военных действий»).

Отдельно следует указать роль в повести города Ростова-на-Дону: “Пизэ Волгоградэ келямьёс пöлысь өз шедь-

ты, иське, өвөл ни солэн Аликез, иське, Ростов-на-Донуысь утчано луоз, ожын быремьёсты возёно рефрижераторьёсысь” [1, 49] («Своего сына среди солдат, направленных в Волгоград, она не нашла. Значит, нет уже в живых ее сына. Значит, его тело следует искать в Ростове-на-Дону, в рефрижераторах, где содержат тела погибших солдат»). Действительно, именно здесь располагалась 124-я Центральная лаборатория медико-криминалистической идентификации, куда доставлялись все неопознанные останки погибших в этой кровавой войне военнослужащих. Вагоны были набиты телами российских солдат. Многие уже невозможно было опознать: разорванные снарядами, обгоревшие, обглоданные собаками.

Реальные события, реальное время, реальные географические объекты создают исторический контекст произведения, усиливая его психологизм и драматизм. Размышления главной героини о бессмысленности войны еще и еще раз подчеркивают хрупкость мироздания: “Туала азинском вакытэ та война но луыны кулэ вал-а? Шат визьмо кивалтйсьёсмылы ваньзэ визьмын лэсьтыны уг луы вал?” [1, 51] («В наш развитый век разве нельзя было предотвратить эту войну? Разве нашим мудрым руководителям нельзя было решить проблему мирным путем?») или: “Малы егитьёслы сыче адзён пыр потоно вал? Оло, аспöртэм курбон со? Азьланезлы жечгес улонэз, шудэз валан, дуньян понна?” [1, 54] («Зачем таким молодым людям нужно было пройти все эти испытания? Может быть, это некое жертвоприношение? Для того чтобы в будущем понять жизнь, ценить свое счастье?»).

Другой особенностью анализируемой повести Е. Миннигаревой (Панфиловой) является отсутствие урапатриотизма. Идеология произведения восходит к стоицизму с его пафосом внутреннего подвига во имя сохранения личности и в конечном счете во имя блага общества: “Котькудиз анай малпа таза, визьмо, кужмо пи будэтыны, нош

пиез армие мыныны дась луэ но, кышно-мурт куректэ: кычэен бертоз солэн лулкаез?» [1, 37] («Каждая мать стремится вырастить здорового, сильного, умного сына. А когда приходит время отправляться ему в армию, женщина начинает переживать: какой же возвратится ее кровинушка?»).

По мнению критиков-литературоведов, в отечественной литературе существуют определенные универсалии изображения чеченской войны. Так, Ю. Щербинина в статье «Метафора войны: взгляд русских писателей на события в Чечне» на основе анализа романа Захара Прилепина «Патологии» (2004), сборника рассказов Владислава Шурыгина «Письма мертвого капитана» (2005) и романа Владимира Маканина «Асан» (2008) выявила главные тенденции внутреннего построения произведений, написанных об этой войне [2; 3]. Не являются они исключением и для удмуртской прозы. Как и в русской литературе, доминирующими здесь выступают следующие две метафоры.

Как отмечает Ю. Щербинина, современные авторы чаще всего вводят читателя в «патологию» войны через *метафору телесности*: тактильности переживаний, ощущения мира как непосредственно осязаемого, объяснения происходящего через осознание собственного и изучение чужого тела [2]. В повести Е. Миннигараевой (Панфиловой) данная метафора наиболее ярко проявляется в описаниях последствий военных действий: «Тужгес пичизэ пизэ Чечняе басьтэмзэс тодыса, кышномурт сюрес вылэ потэм. Уйёсы но бусыостй, нюлэсьёстй, гурезьёстй огназ вамышьям. Кыче но кошкемыт суредьёсты адзоно луымтэ солы! Тани бусыын адями костаське, йыраз туж бадзым пась, нош ымнырзэ но пуштйрлыкьёссэ пуныос сииллям ни. Но со адямиез но кин ке утча ук!» [1, 47] («Когда она узнала, что самого младшего сына направили воевать в Чечню, она тотчас отправилась в дорогу. Даже по ночам она в одиночку пробиралась через поля, леса, горы. Какие только ужасающие картины не повидала она на своем пути! Вот в поле ва-

ляется тело человека, в голове – огромная зияющая дыра, а его лицо и внутренности обглоданы собаками. Но ведь и этого (сгинувшего) человека кто-то разыскивает!») или: «Валяпаен вераськем бере со нош ик кыдэкусь шаерьёсы кошкэм. Но... пиез интые солы кык сутскем пыдъёс сётйллям. Соос гинэ кылиллям на йыг-йыг, йёно ожгарчилэсь» [1, 55] («После беседы с Валентиной она снова отправилась (на поиски своего сына) в далекие края. Но... вместо встречи с сыном она получила только две обгоревшие ноги. Только они остались от коренастого, крепкого бойца»).

Произведение удмуртской писательницы Елены Миннигараевой (Панфиловой) «Кытын тон, пие?» («Где ты, сынок?») позволяет говорить о том, что военная тематика в современной литературе прежде всего имеет целью предотвратить любые военные действия (и в зоне открытых конфликтов, и в мирной жизни), показав их разрушительную силу.

Много внимания в повести уделено мотивам крови и кровопролития. С одной стороны, кровь как продолжение рода: «Өвёл, со Валяпайлэн пиез өвёл. Иське, нош ик утчаськоно. Бен кытын солэн дуно виркомокез?» [1, 43] («Нет, она снова не встретила своего сына. Значит, нужно искать. Где же ее дорогой сыночек, ее кровинушка?»). С другой стороны, это боль и страдания, причиненные войной: «Нош одйг пол пияшез вайизы: анлыэз воксё өвёл – пазьгемын; йырыз, мугорыз – копак вир» [1, 48] («А однажды привезли молодого бойца: подбородка у него совсем не осталось – разорвало, голова и тело – все в крови»). Антиномия жизни и смерти, скрытая в мотиве крови, сопровождает главную героиню на всем протяжении повествования. Не случайно во время долгих изнуряющих поездок она всеми органами чувств ощущает присутствие крови: «Вертолётын кыче ке голькыт, йырез поромытйсь вир зын.

Валяпай ноку но օз малпалля, вирлэн зыныз вань шуыса. Но вертолётын со укыр зол шӱдйське: нырын гинэ օвӱл, кыл выжыын, оло нош – быдэс мугорын” [1, 49] («В салоне вертолета какой-то сладковатый, удушающий запах крови. Тетя Валя никогда не думала, что кровь может иметь свой запах. Но в салоне вертолета он явно присутствует: его можно учуять не только носом, но его присутствие остается и на языке, а может – и на всем теле»).

Реальные события, реальное время, реальные географические объекты создают исторический контекст произведения, усиливая его психологизм и драматизм.

Подобные описания, отражающие вечную дихотомию плоти и духа, что ярко проявляется в судьбах персонажей, которые находятся между жизнью и смертью, вновь подталкивают читателя к размышлениям о смысле жизни, о предназначении человеческого бытия.

Другая метафора, способствующая рефлексии событийности и психологии Первой чеченской войны, по мнению Ю. Щербининой, приводит современных авторов к обратному в некотором смысле приему – читатель постигает войну через *метафору предметности*: «Живой ли, мертвый ли, человек на войне – манекен, кукла, маска» [2]. И в этом, согласно исследователю, обнаруживается особая специфичность современных военных кампаний. Юные солдаты становятся «пушечным мясом», даже не зная, ради чего они воюют:

“– Малы, анайёслы ивортытэк, пиосты войнае келяськоды? Малы семьяенызы но адзиськыны уд сѣтйське?

– Вылйегес мынэ, соослэсь юалэ, – вакчияк гинэ валэктйз ожгарчи.

Ӗз тоды соку Валяпай: Чечняе мынонзы сярэсь, солдатъёслы гинэ օвӱл, командиръёслы но шара вераны лэземын օй вал. Бен соин ик Чайковскийысь Марковое ветлйсь автобусъёсты палэнтйллям” [1, 37]

(«– Почему Вы отправляете этих юнцов на войну, даже не сообщив их матерям? Почему не даете возможность повидаться с семьями?

– Обращайтесь к тем, кто повыше. У них и спрашивайте, – скупно произнес солдат.

Тогда тетя Валя еще не знала, что не только солдатам, но и их командирам не сообщалось вслух. Именно поэтому и сняли курсирующие между Чайковским и Марково автобусы»).

Ю. Щербинина подчеркивает, что «...рефлексия новейшего времени кардинально меняет образ человека на войне, чем дальше, тем отчетливее представляя его как “поделочный материал”, “живую мишень”, “пушечное мясо»» [2]. Действительно, в описаниях мест военных действий «живое» и «неживое» становятся в один семантический ряд: “Татын но жуам вертолёт сьӱмьёс, пуштэм самолёт бервыльёс костасько. Одыгзэ бадзым самолётэз кӱшкемыт периос кыклы кесиллям кожало, пушкысьтыз олома мында сьӱдэктэм езьёс ошиськемын. Соос – бурдо машиналэн ишкам вирсэръёсыз кадь – шимесэсь” [1, 45] («И здесь валяются обломки вертолета, взорвавшегося самолета. Казалось, ужасные ветры (или Пери – злой дух) разломали большой самолет на две половины, и теперь из него во все стороны торчат потемневшие провода. Они – словно разодранные вены летающей машины – оставляют ужасающее впечатление»).

Подобные описания ужасов войны, которыми изобилует первая часть повести, рождают новые потенции художественного изображения, позволяя продвигаться от эпического к экзистенциальному: какова цена человеческой жизни? за что совсем еще юные солдаты отдают свою жизнь? кому нужна война? С этими вопросами вернувшиеся из горячих точек молодые люди вынуждены жить в мирное время. И эта проблема – проблема адаптации солдата к мирной жизни – также поднимается в повести “Кытын тон, пие?”: “Кинлы кулэ на асьме пинальёсмы? Анайёслы гинэ-а? – лушкем

бёрдылйз кышномурт. – Кызы огшоры улыны (улыны!) дышетано соосты?” [1, 56] («Кому нужны еще наши дети? Только своим матерям? – тихо рыдала женщина. – Как их снова научить жить (жить!) мирной (букв. простой) жизнью?») или: “Ортчизы аръёс. Нырысетй чечен война сярсыс политикъёс шара вераськыны уг ярато... Валяпайлэн Аликез трос курадзоно луиз. Чечняе ветлыса улэп бертэм эшъёссэ троссэ ыштиз на: кин ке пытсэт сьоры сюриз, кин ке ассэ ачиз быдтйз” [1, 58] («Прошли годы. О чеченской войне политики говорить не любят... А сыну Валентины Алику пришлось еще много выстрадать: он потерял многих своих товарищей, прошедших чеченскую войну: кто-то оказался за решеткой, кто-то закончил с собой»).

Писательница уверена, что только добро, тепло семьи и матери может вернуть бывшего солдата к прежней – создающей – жизни: “Война – со шудон өвёл. Адыми сюлмысь яраосты эмьюмен

уд быдты. Дыр гинэ бурмытоз пидэс. Тй анай, тй – чидалоды... – мур лулзиз мййы эмьясь. – Вёсяське” [1, 56] («Война – это не игра. Сердечные раны не излечить лекарствами. Только время расставит все на свои места. Вы – мать, вы – вытерпите... – глубоко вздохнул пожилой доктор. – Молитесь за него»).

Таким образом, в художественном пространстве повести удмуртского автора Е. Миннигараевой (Панфиловой) испытание происходит не только на физическом, нравственно-психологическом уровне, но и на ментальном, духовном. Не случайно в самых сложных ситуациях главная героиня обращается к Богу. Образ Казанской Богородицы в контексте общей богооставленности людей становится надеждой на спасение, на завтрашний день. Спасение человечества заключается в обращении к вечным заветам любви и милосердия к своим ближним. При этом имеются в виду не только христианские, но и общегуманистические ценности.

Поступила 31.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Миннигараева (Панфилова), Е. В.* Съёд сюлык : веросьёс, повесть, фэнтези, детектив = Платок-покрывало : рассказы, повесть, фэнтези, детектив / Е. В. Миннигараева (Панфилова). – Ижевск : Удмуртия, 2016. – 144 с.
2. *Щербинина, Ю.* Метафора войны: взгляд русских писателей на события в Чечне [Электронный ресурс] // Сибирские огни. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/sib/2009/4/sh16.html>. – Дата обращения: 03.10.2016.
3. *Щербинина, Ю.* Метафора войны: художественные прозрения или тупики? [Электронный ресурс] // Знамя. – 2009. – № 5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/5/sh15.html>. – Дата обращения: 05.10.2016.

1. *Minnigaraeva (Panfilova), E. V.* (2016), *Söd syulyk: Verosës, story, fantasy, detective = Covering scarf: short stories, novels, fantasy, detective*, Izhevsk: Udmurtia.
2. *Shcherbinina, Yu.* (2009), War metaphor: the look of Russian writers at the events in Chechnya, *Siberian Lights*, № 4, available: <http://magazines.russ.ru/sib/2009/4/sh16.html> [accessed 3 October 2016].
3. *Shcherbinina, Yu.* (2009), Metaphor of war: artistic insight or deadlocks? *Znamya*, № 5, available: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/5/sh15.html> [accessed 5 October 2016].